Вспышка. В ноздри ударил запах пороха. Пространство заполнил лёгкий дымок, исходивший от ствола пистолета-пуффера. Стрелял её отец. Он без промедления и даже тени сомнения нажал на курок.

Эмбирель согнулась. Зажимая рот рукой и борясь с тошнотой, девушка бросилась прочь, сшибая углы и домашнюю мебель. Перед полузакрытыми глазами застыла картина: несчастный человек с перекосившимся ртом и отсутствием верхней части головы. А вокруг кроваво-серые ошмётки.

Не замечая боли от ушибов, почти не разбирая дороги, она как-то добралась до своей комнаты. Эмбирель упала на кровать, подминая под себя одеяло, прижавшись лицом к холодной ткани, чтобы проще сдерживать рвотные позывы.

Страх и отвращение смешались в её сознании причудливой химерой, разрушая мысли, лишая возможности осознанно думать.

Так, неподвижно, она пролежала минут десять, приходя в себя. Осторожно открылась дверь. В комнату вошел отец и сел рядом на кровать. Тяжёлая ладонь нежно коснулась волос девушки, заставив ту вздрогнуть.

- Прости, Эмбирель, - властный голос отца ломался от внезапной неуверенности. Но все же глава семейства быстро с этим справился. – Это было необходимо. Этот человек ворвался в мой дом с угрозой моей семье. Того требовал долг.

Девушка ничего не ответила родителю. Ей хотелось скорее остаться одной.

Долг? Он всегда говорит о долге. О важности своего положения, как аристократа, будто то, что он вбил себе в голову важнее всех окружающих.

Эмбирель помнила мистера Аднота, как очень доброго, учтивого и участливого человека. Как бы ни было ему трудно, каким бы ни был он уставшим и грязным, он всегда улыбался ей. Порой даже дарил букеты из собственно выращенных прекрасных цветов. Несчастного садовника омрачал лишь один недостаток – любовь к выпивке.

Сейчас девушка винила сама себя за тот накатившийся на неё страх, за оцепенение и растерянность. К страху и отвращению прибавилась ненависть. Почему всё закончилось так? Неужели нельзя было найти другой способ?

Не дождавшись никакой реакции, глава семейства удалился, оставив свою дочь в желанном ею одиночестве. Эмбирель так и лежала, тяжело дыша через ткань. Тошнота то отступала, то, когда кровавая сцена на террасе вновь наполнялась в сознании яркими красками, подступала к самому горлу. Письмо её возлюбленного лежало рядом.

Этой ночью она так и не смогла уснуть. Дело не в поднявшемся гаме, суета, ругательства и топот домашних, прислуги и охранников быстро стихли. Тело садовника уже наверняка увезли. Дело и не в страхе. Он прошёл, незримым ручейком покинул сознание, оставив после себя пустоту.

Эту пустоту заполнило чувство вины. Она винила себя даже не за то, что ничего не смогла сделать, не за свою бесполезность, это вполне понимала и принимала. Девушка себя винила за то, что в последние мгновенья жизни человека, который не сделал ей ничего плохого, который всегда был на её стороне, испугалась его. За этот страх. В тот момент Эмбирель хотелось, чтобы всё закончилось. На мгновенье, но она желала, чтобы этот страх исчез. Умер.

Рассвет застал её лежащей на кровати, смотрящей сухими покрасневшими глазами в потолок. Эмбирель так не пролила ни одной слезинки за это время. И за это она тоже винила себя.

Никто не пришёл привычно будить девушку к завтраку. И к обеду её никто не беспокоил. Всем было либо не до неё, либо просто ни кто не хотел тревожить бедняжку, испытавшую психологический шок. Впрочем, голод так и не смог ей овладеть. Казалось, давящие чувство вины и каких-то еще странных, неизвестных и непонятных эмоций заполнили внутренности.

Лишь ближе к вечеру в дверь постучала Аннет.

- Жаль, что вам пришлось всё это увидеть, госпожа, - сочувственно произнесла гувернантка, по обыкновению распахивая шторы, чтобы впустить солнечный свет в комнату своей подопечной.

Аннет старалась вести себя как обычно, будто случившееся на неё никак не повлияло, видимо, надеясь, что её спокойствие и уверенность передастся и Эмбирель.

- Не дело валяться в кровати целый день, зачахните еще, а движение поможет вам взбодриться.

Девушка заставила себя подняться. После бессонной ночи чувства будто обострились и обманывают одновременно.

Что случилось, то, как бы банально не звучало, случилось. Желание жалеть себя постепенно пропадало. Жизнь навсегда теперь отмечена этим событием. Придётся свыкнуться, привыкнуть, что кровавый образ периодически будет всплывать в памяти. Возможно, он когда-нибудь замылится, затрётся.

Эмбирель взглянула на себя в зеркало. Если раньше растрёпанный вид придавал ей некой пикантной привлекательности, то сейчас она действительно похожа на безобразную ведьму, с опухшим лицом, с такими же опухшими раскрасневшимися глазами и с огромными тёмными мешками под ними.

- Что делают остальные, - спросила девушка, садясь на кушетку перед зеркалом, ожидая, когда гувернантка займется её внешним видом.

- Отец ваш, госпожа, отбыл на собрание совета, - ответила Аннет, и принялась расчёсывать непослушные чёрные волосы. – Матушка ваша в расстроенных чувствах, заявила, что ей надо успокоить нервы после случившегося, а лучше всего с этим справится общество её нежных

подруг, поэтому госпожа вместе с вашими младшими сёстрами отправилась в клубный домик. Дома остался только Кевин, он сейчас занят учёбой у себя.

Ничего не изменилось. Эмбирель закрыла глаза, чуть покачнувшись, сказался недостаток сна. Всё, как и всегда. Неужели только её действительно тронуло то, что случилось с мистером Аднотом? А может и не случилось ничего? Её жизнь не изменится. Отца даже не будут судить. По всем законам аристократ имел полное право застрелить того, кто вломился в его дом. А значит, она и дальше будет жить под богатой родительской опекой в достатке и роскоши.

Эмбирель открыла глаза, внимательно рассматривая себя в зеркале, её внешний вид весьма подходил к промелькнувшим сейчас мыслям.

Ведомая Аннет, старшая дочь семьи Де Ларго отправилась на прогулку. Они не стали идти в сад по понятным причинам, а направились по вымощенной тропинке вдоль больших прямоугольников идеально выстриженного газона к конюшням. Грациозные и величественные животные должны помочь справиться с грустью и тревогой.

Это сработало. Девушка действительно почувствовала, как душа наполняется спокойствием и умиротворением с каждым прикосновением к Луселии. Личная лошадь Эмбирель послушно подставила голову под ладони своей хозяйки, позволяя себя гладить и расчёсывать свою пышную гриву.

В конюшне вместе с гувернанткой и под присмотром конюха они провозились весь остаток дня.

Этой ночью все-таки удалось уснуть.

Снился мистер Аднот. Он, не имея верхней части головы, на той самой площадке, возвышавшейся над городом, где они были Рендоном, рисовал ту самую картину мистера Ларриса.

Эмбирель небольшими робкими шажками подошла и взглянула через плечо мёртвого садовника. Предстал Шарлей. Мрачный город с покосившимися неправдоподобно искривленными зданиями. Всё залито синеватой тьмой. Ни солнца, ни каких-либо огней. Старый. Древний. Покинутый город.

- Это всё он виноват, - раздался голос садовника.

Девушка открыла глаза, в дверь постучалась гувернантка.

- Госпожа, пора завтракать, вас опять все ждут.

Когда Эмбирель спустилась в трапезную, её, по обыкновению, ожидали. Отец, хмуро рассматривал газету, суровым пристальным взглядом, выискивая какие-то ему необходимые строки. Мать чему-то поучала младшеньких сестёр. Кевин читал какой-то учебник. Вокруг учтиво ходила прислуга, обслуживая высокородных господ.

Прошёл день, всё вернулось на круги своя, и никому нет дела, что недавно оборвалась чья-то жизнь. Зачем? Эти жизни и так постоянно обрываются. Через месяц на кладбище от могилы садовника будет заполнено еще несколько рядов.

Девушка села рядом со старшим братом. Тот оторвался от учебника и растерянно улыбнулся ей, на этот раз ничего не сказав, оставив свои шутливые и колкие замечания при себе. Пора трапезничать.

Голод наконец-таки пробудился в теле девушки. К её удивлению, пищу приняла с большим аппетитом, а еще недавно считала, что больше в жизни не сможет проглотить чего-то твёрже воды.

Возобновились скучные и нудные занятия с репетитором. После обеда Аннет передала еще одно письмо от Рендона.

Эмбирель заперлась в своей комнате, приводя мысли в порядок, прежде чем начать чтение. Она так и не ответила парню на его прошлое письмо. Слишком жалела себя. И теперь чувство вины усилилось еще и этим моментом.

«Путеводная звезда моих мечтаний! Мне удалось узнать, про происшествие, случившееся в твоём доме, весьма удручает, что пришлось подобное пережить, но очень рад, что ты не пострадала. Когда услышал, что любовь моя стала свидетелем такого неприятного события, мне захотелось скорее с тобой встретиться, даже подумывал пробраться в ваше имение, но уж слишком усилилась вокруг него охрана, ни кого не пускают, и мыши не проскользнуть. Другие аристократы тоже сейчас укрепляют охрану своих земель в связи с этим случаем. Боятся, вдруг действия вашего бывшего садовника могут вдохновить и других простолюдинов. Что-то обстановка в городе становиться нервозной.

Так как увидеть тебя, мне не удалось, чтобы наполнить память красками нашей любви, отправился по местам последнего свидания, пробуждая в сознании твой прекрасный образ. Помнишь мистера Ларриса? На том же самом месте наткнулся на его картину. Похоже, он её дорисовал, но что-то уж слишком мрачные цвета он решил использовать для Шарлея, сколько я от туда город не рассматривал, он всегда, на мой взгляд, ярок и красочен. Самого же художника, кстати, так и не встретил, очень странно, что он решил вот так вот оставить свою работу.

Надеюсь, вся эта суета поскорее пройдёт, и мы сможем с тобой увидеться. Скучаю по сладости твоих губ, по нежности твоих рук. Люблю.»

С первых же прочитанных слов вернулось то душевное тепло, что она испытывала каждый раз, когда парень обращался к ней, будь то в жизни или же в письмах. Ему всё ещё не надоело! И он ждёт её. Единственный человек которой её ждёт не потому, что того требуют правила, а потому что хочет увидеть. Хочет ощутить. С ним Эмбирель не деталь придуманной системы нелепых отношений – живая и настоящая! Как же хотелось вновь встретиться! Прижаться, зная, что действительно важна.

Но на словах про картину мистера Ларриса, будто пронзило множество ледяных иголок. В памяти возник последний сон. К чему все это? Раньше письма, теперь эта странная картина… Почему не могут сниться нормальные сны? Хотелось бы чаще видеть в них Рендона…

Эмбирель рывком поднялась с кровати на ноги, подивившись своему собственному внезапному порыву. Ей надоело сидеть затворницей. За огромным кирпичным забором семейного поместья есть тот, кто её ждёт, тот, рядом с которым всё становится бессмысленно. Кроме него и её.

Быстрым несдержанным шагом, чуть ли не переходя на бег, Эмбирель понеслась к учебному кабинету её брата.

Там его и застала, лениво развалившегося в кресле с неким учебником в руках, делающего вид, будто что-то изучает. На самом деле, она знала, часто в такие моменты он прибывает в каких-то своих фантазиях.

- Кевин, мне нужна твоя помощь! – без предисловий обратилась девушка к своему брату.

- Ничего не получится, - сразу ответил тот.

Эмбирель так и застыла на пороге комнаты, нелепо приоткрыв рот, желая что-то сказать, но никак не удавалось подобрать слова.

- Я уже думал над этим, но охрана сейчас как на экстренном положении, - развёл руками Кевин, отложив учебник в сторону. – По приказу отца ни кого не впускают и не выпускают, даже если ты его сын, будто какой-то карантин устроили… На прислугу не надейся, не помогут. После случая с бывшим садовником они ни за что не рискнут даже в мелочи ослушаться нашего папани.

Кевин с ироничной улыбкой отмахнулся, запрокинув голову на мягкую спинку кресла. Весь его вид показывал, что парню тоже осточертела вся эта ситуация, но бессмысленно даже и пытаться что-то сделать.

Эта отмашка лишила всей уверенности и воли его сестру.

Эмбирель только и осталось бродить по дому в попытках что-нибудь придумать. Она не могла сидеть на месте, будто монотонное движение помогало крутиться и мыслям в голове.

Это движение прервал голос доносившийся неподалёку. Девушка сама не заметила, как оказалась у рабочего кабинета её отца. Из незапертых дверей доносились слова.

- Так надо… Так просто необходимо! Это был мой долг! Это мой долг…

Заглянув в дверной проём, Эмбирель увидела своего отца, он в одиночестве нервно расхаживал по комнате взад-вперёд.

- Идиоты! Напыщенные ублюдки… Не хотят делать то, что я говорю… Это необходимо! Это мой долг! Проклятые трусы… Поплатятся…

Глава семьи Де Ларго заметил свою дочь. Его глаза налились гневом, а лицо исказила гримаса ненависти. Отец Эмбирель бросился к двери, с неистовой силой захлопнув её прямо перед носом собственной дочери. Грохот, казалось, прокатился по всему дому.

Безуспешно сдерживая слёзы обиды, Эмбирель бросилась прочь. Слёзы её не текли, когда она увидела смерть человека, но сейчас оказалось совершенно невозможным их остановить. Прозрачные блестящие капли покатились по раскрасневшимся щекам.

Рендон… Почему он не с ней?! Почему он не рядом?!

Девушке только и оставалось изнывать в своей комнате. Наблюдать, как время монотонным потоком уносит за собой её мечты.

Закончился очередной бессмысленный день.

Поздним утром Эмбирель проснулась от какого-то непонятного неприятного ощущения. Будто какой-то гул стоял в её голове.

Девушка распахнула окно, и этот гул усилился. Обоняние уловило противный запах гари и жженого пороха.

http://tl.rulate.ru/book/50602/1270650